

УДК 821.161.1
ББК ШЗЗ(2Рос=Рус)6-022

ГСНТИ 17.07.29

Код ВАК 10.01.01

З. С. Закружная
Д. С. Московская
Москва, Россия

ИНСТИТУЦИОНАЛЬНОЕ ИЗМЕРЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ. К ИСТОРИИ ЗАБЫТОГО ЛИТЕРАТУРНОГО ОБЪЕДИНЕНИЯ ЛОКАФ

Аннотация. В экономически ослабленной советской России финансово нерентабельное литературное производство нуждалось во внешних формах поддержки и идеологическом оправдании своего существования. Институциональная составляющая оказалась основополагающей для литературного процесса советского периода. Объединения и организации, наделенные свойством институциональности, т. е. способностью не только юридической легализации своих программ, но и фактической способностью проводить в печать произведения своих членов, добиваться их популярности, обеспечивать условия для творчества, появляются уже в первые пореволюционные десятилетия. Именно на них, а не на собственной активности или выдающемся таланте зиждилась общественная весомость и значимость писателей 1920–1930-х гг. На примере творческой судьбы А. Платонова показывается, что литературные объединения оказывались необходимыми для публикации произведений и оплаты писательского труда. Описание истории, структуры, эстетических и идеологических принципов и форм функционирования, личного состава писательских объединений и организаций можно отнести к первостепенным задачам исследования истории русской литературы советского периода. ЛОКАФ является одним из писательских объединений, ориентированных на идеологическую программу РАПП. Анализ институциональных оснований ЛОКАФа показывает, что он был первым литературным объединением, которое поставило перед собой предельно конкретную, политически выверенную, идеологически весомую, практически выполнимую задачу собирания писательских сил вокруг оборонно-патриотической темы. В своей деятельности ЛОКАФ с большой полнотой реализовал требование РАПП о «массовом писателе» и «массовом читателе». Особую роль в формировании и методологической разработке этих установок, отборе художественных средств, выявлении образцовых произведений военно-оборонительной тематики играла локафовская критика. Ее достижением стало то, что военно-патриотическая тематика стала «модной», вошла в круг творческих замыслов гражданских писателей 1930-х гг., стала желанной составляющей программы работы издательств. В статье впервые вводятся в научный оборот архивные материалы ОР ИМЛИ РАН из фонда «ЛОКАФ».

Ключевые слова: институты культуры; литературный процесс; литературные объединения; советская литература; литературное творчество; русские писатели; ЛОКАФ.

Z. S. Zakrzhnaya
D. S. Moskovskaya
Moscow, Russia

INSTITUTIONAL ASPECT OF SOVIET LITERATURE. HISTORY OF THE FORGOTTEN LITERARY UNION OF THE RED ARMY AND NAVY

Abstract. In economically weak Soviet Russia, financially unprofitable literary production needed external forms of support and ideological justification for its existence. The institutional component was fundamental to the literary process of the Soviet period. Literary unions and organizations that had institutional status, i.e. the ability not only to legalize their programs, but also to publish the works of their members, promote them, increase their popularity, and provide facilities for creative work, appear in the first post-revolutionary decades. Thanks to them, and not to the writer's own activity or outstanding talent, the social weight and importance of writers of the 1920s and 1930s increased. On the example of A. Platonov's creative destiny it is shown that literary associations turned out to be necessary for the publication of works and payment for writers' work. The principles of creation, organization and functioning of literary associations are shown on the example of LOKAF (Literary Union of the Red Army and Navy). It is one of the literary unions focused on the ideology of the Russian Association of Proletarian Writers. This is one of the little-studied and forgotten unions, which played an important role in the development of military-patriotic themes in the Soviet literature. The analysis of the institutional bases of LOKAF shows that it was the first literary union which had a definite, politically approved and ideologically significant task to make the writers focus on the theme of patriotism. LOKAF fulfilled the requirements of the Russian Association of Proletarian Writers about "mass writer" and "mass reader". LOKAF's critical reviews played a great role in the formation and development of these requirements, the choice of artistic means and identification of the exemplary works of the military topic. Its achievement is that the military-patriotic theme became "fashionable" among the writers in the 1930-s and it was favorably accepted by the publishing houses. Moreover, it occupied a significant place in the Union of Soviet Writers created later. The article introduces the archival materials of the Institute of the World Literature from the "LOKAF" foundation into scientific circulation.

Keywords: institutional culture; writing; literary unions; Soviet literature; creation; Russian writers; LOKAF.

В экономически ослабленной после революций и войн Советской России, потерявшей свободный рынок в годы военного коммунизма, подконтрольно развивавшей его в недолгий период нэпа и лишившейся экономических свобод в эпоху реконструкции, финансово нерентабельное литературное производство нуждалось во внешних формах поддержки и идеологическом оправдании своего существования. Пример Российской ассоциации пролетарских писателей (РАПП)

показывает, что литературные институты обладали властным политическим ресурсом, который использовался ими для обеспечения эффективного творческого процесса. Только опора на политическое влияние РАПП сделало возможным создание знаменитой редакции «Литературное наследство» как новой институции культуры, развившейся впоследствии в ведущую академическую научную школу. Не профессионализм двадцатилетнего Ильи Зильберштейна,

имевшего в наставниках блестящего историка-архивиста, многолетнего редактора журнала «Былое» Петра Щеголева, а докладная записка от лица секретариата РАПП, отправленная в ЦК, позволила автору идеи уже 1 августа 1931 г. начать в качестве заведующего редакцией издание томов историко-архивного журнала «Литературное наследство» [Московская 2018]. Отсутствие институциональной поддержки заставляло писателей ее искать. Пример тому — непостоянная творческая судьба писателя Андрея Платонова. Стоявший в 1920-е гг. вдали от литературных организаций, свободный в своих политических воззрениях и неповторимо своеобразный в творческом выражении, после окончания политики нэпа, на фоне шахтинского дела интеллигенции, в январе 1929 г. он сделал попытку вступления в Московскую ассоциацию пролетарских писателей (МАПП), почти одновременно с Владимиром Маяковским. Последний также стремился своим членством в РАПП закрепить право считаться пролетарским писателем, а не попутчиком и остановить тем самым волну партийной критики. Материалы фонда МАПП сохранили помету секретаря Ассоциации на заявлении Платонова: «В дело “одиночек”» [Московская 2017: 420]. В том же году по призыву РАПП он уехал с писательскими бригадами ВССП бороться с прорывами на производстве в Ленинград на Зиновьевскую писчебумажную фабрику и Ленинградский металлический завод [Московская 2012], откуда привез в качестве отчета пьесу «Высокое напряжение». Разгромная критика «бедняцкой хроники» «Впрок» в 1931 г. положила начало многолетней борьбе Платонова за возможность публиковаться. Но только благодаря поддержке Оргкомитета ССП Платонов получил возможность уехать от творческую поездку с писательскими бригадами по Союзу, получив литературное задание, которое помогло ему вернуться на литературное поприще. Эти и многие другие примеры говорят о том, что в пореволюционной России и России эпохи реконструкции, в особенности, возможность быть писателем определялась не только талантом или лояльными мировоззренческими установками, но также институциональной принадлежностью.

Исследование архивов литературных организаций и объединений 1920–1930-х гг. позволяет акцентировать политический, производственный, финансово-бытовой эквивалент деятельности писателей, конкретизировать обстоятельства возникновения литературной известности, уточнить подлинное место того или иного писателя или произведения в литературном процессе времени. Они показывают, что литературный процесс советского времени носил ярко выраженный институциональный характер, где под институциональностью имеется в виду «некий вид деятельности, дающей возможность *легализовать* <...> те или иные художественные концепции» [Бобринская 1999].

Объединения и организации, наделенные свойством институциональности, т. е. способностью не только юридической легализации своих программ, но и фактической способностью допускать в печать произведения своих членов, добиваться их популярности, обеспечивать условия для творчества, появляются уже в первые пореволюционные десятилетия. Именно на

них, а не на собственной активности или выдающемся таланте зиждилась общественная весомость и значимость писателей 1920–1930-х гг. И потому описание истории, структуры, эстетических и идеологических принципов и форм функционирования, личного состава писательских объединений и организаций можно отнести к первостепенным задачам исследования истории русской литературы советского периода. Еще в 2009 г. Евгений Добренко констатировал: «...до сих пор ни в России, ни на Западе не появилось серьезных исследований в области институциональной истории сталинской культуры. <...> Вообще нет институциональной истории советской литературы» [Добренко 2009]. С момента публикации этих строк произошли заметные подвижки: был осуществлен исследовательский проект «Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам», вышла в свет коллективная монография «История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи», были защищены диссертации, посвященные истории Петроградского отделения Всероссийского союза писателей [Кукушкина 2008] и Всероскомдраму [Плотников 2015]. Обойденной вниманием историков литературы остается Литературное объединение Красной армии и флота (ЛОКАФ), которое практически не рассматривалось в научной литературе. Исключения составляют две диссертации [Глинкин 1971; Колесник 1978] и статьи [Колесник 1976] советского периода, в которых ЛОКАФ упоминается, но не становится предметом самостоятельного исследования, а также две статьи современных исследователей [Добренко 2000; Шошин 2006], впервые за долгие годы заговоривших об этом объединении.

Одной из главных причин, почему ЛОКАФ, в сравнении, например, с РАПП или Всероссийским союзом советских писателей (ВССП), не становился предметом углубленного изучения, является отсутствие ярких имен и произведений, характеризующих его деятельность. Однако с точки зрения институциональной истории ЛОКАФ представляет немалый интерес.

Творческая программа ЛОКАФ была обоснована в обращении инициативной группы писателей, опубликованном в Литературной газете 26 июня 1930 г.¹, с которого начинается история объединения. В условиях, когда «страна преобразуется, изменяются людские взаимоотношения, выковываются новые люди, создается новый быт», когда «доживают свой проклятый век старые, униженные, недостойные человека формы труда», когда «недавно отсталая, темная страна стала знаменем нового мира, знаменем социализма», известные писатели заявили о необходимости «заострить внимание трудящихся на вопросах обороны» и призвали «возможно чаще помещать такие произведения, которые воспитали бы в массах постоянное чувство боевой готовности». Объединение писательских усилий на оборонно-патриотической тематике обосновывалось «растущей угрозой военного нападения на СССР.

¹ Красная армия ждет своего писателя // Литературная газета. 1930. № 25 (62) (26 июня). С. 1.
См. то же: ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 122.

Империалисты вооружаются, множат орудия истребления, лихорадочно готовятся к войне».

Среди подписантов были Л. Дегтярев, С. Щипачев, Н. Свири́н — ставшие в дальнейшем видными теоретиками ЛОКАФ, а также Вс. Вишневский, Демьян Бедный, Юр. Либединский, Ал. Безыменский, Г. Горбачев, Ю. Олеша и другие писатели — члены редколлегии военных газет «Красная Звезда» и «Красный воин», сотрудники Политического управления Красной армии (ПУРККА), Военной академии и Центрального дома Красной Армии (ЦДКА), участники различных литературных объединений — ВССП, РАПП, Кузница, ВОКП и др.

Через месяц, 29 июля 1930 г. на совещании писателей ЛОКАФ оформился организационно¹. Собрание состоялось в Краснознаменском зале Центрального дома Красной армии. В президиуме заседали: А. Серафимович, Л. Дегтярев (зам. редактора «Красной звезды»), А. Сурков (секретарь РАПП), Г. Осе́пян (нач. АППО ПУР), И. Батрак (секретарь ВОКП), А. Безыменский, Л. Киверцов (нач. сектора печати ПУР), Б. Ольховый (ред. газет. «Поволжская правда»), М. Поляк (ред. «Красной звезды»).

5 августа 1930 г. «Литературная газета» рапортовала о «широком собрании советских писателей, красноармейского литературного молодняка и военно-политических работников», положившем начало «важнейшего дела — создания Литературного объединения Красной армии и флота»². Подчеркивалось мобилизационное значение объединения в «условиях все возрастающей военной опасности»³. Значение ЛОКАФа представлялось метафорически — как ввод на литературный фронт «новой боевой силы тысячи рабочих и крестьян, прошедших великолепно школу Красной армии»⁴.

В этом же выпуске Литгазеты был представлен состав Центрального совета ЛОКАФ: М. Горький, Демьян Бедный, Феликс Кон, А. Серафимович, А. Фадеев, В. Ставский, И. Батрак, С. Мстиславский, Ф. Гладков, Г. Коренев, И. Сельвинский, М. Алексеев, В. Вишневский, Л. Дегтярев, Р. Эйдеман, Вс. Мейерхольд, А. Безыменский, Вл. Сосюра, Н. Семашко, Л. Чернявский, Э. Багрицкий, Б. Ольховый, М. Кольцов, Бела Иллеш, И. Катаев, В. Луговской, А. Малышкин, Б. Чернаков, Матэ Залка, Кави Наджми, Е. Ченявский, А. Исабах, Н. Свири́н и др.

8 августа 1930 г. на заседании президиума ЛОКАФ был утвержден его временный устав⁵. Миссией объединения была объявлена работа «на укрепление обороны страны и боеспособности РККА» путем пропаганды «в художественной форме задач обороны страны, мобилизация вокруг этих задач общественного мнения и активности трудящихся СССР». Творческие задачи объединения конкрети-

зировали темы: освещение в литературе и периодической печати жизни, быта, учебы и работы Красной армии, ее классовой и интернациональной сущности, истории Красной армии, истории гражданской войны и роли Красной армии в социалистическом строительстве; борьба против новых империалистических войн и освещение борьбы международного пролетариата против военной опасности; борьба с классово чуждыми влияниями в литературе о Красной армии и обороне страны.

Практическая повседневная деятельность ЛОКАФа определялась как выдвижение и воспитание красноармейских и краснофлотских поэтов и писателей, критиков, киносценаристов и драматургов путем повышения их общественно-политического уровня, литературной и военной учебы. Закономерным следствием установки на формирование писателя из личного армейского и краснофлотского состава стало то, что впоследствии ни один из видных членов Центрального совета ЛОКАФ не позиционировал себя как его представитель на литературном поприще и не создал в рамках объединения сколько бы то ни было заметного произведения. ЛОКАФ адресовался массовому читателю, который нуждается в «массовом писателе». Объединение ориентировалось на создание «именно той литературы, которая пронизывает своим влиянием миллионы молодежи, крестьянства, трудящихся женщин, т. е. те слои, которые до сих пор мало чувствуют на себе воздействие революционной пролетарской литературы». Применительно к творческим задачам ЛОКАФа «массовая литература» обозначала, в первую очередь, литературу малых форм, примером которой было творчество Д. Бедного. Во-вторых — простоту художественного языка, который должен удовлетворять вкусам «громаднейших массивов трудящихся, которых непосредственно коснется война и ее тяготы. Это будут малограмотные крестьяне, батраки, рабочие отсталых профессий»⁶.

ЛОКАФ ставил генеральную задачу демократизации самого процесса художественного литературного производства, который не должен был оставаться уделом «профессионалов», этой «замкнутой касты», где писательство — «привилегия» и «монополия». Объединение работало над тем, чтобы печать стала «делом масс». Эти программные для теоретиков ЛОКАФа установки роднят его с РАПП. Фактическую близость подтверждает публикация в журнале «На литературном посту». Н. Свири́н, указывая на многообразие литературных организаций, своими членами пополнивших ЛОКАФ, подчеркивал: «Но из этого не следует, что ЛОКАФ является бесформенным конгломератом, механическим соединением всевозможных литературных течений. ЛОКАФ имеет определенную литературно-политическую линию. Этой линией может быть только литературно-политическая линия РАПП, признанная партией, в основном правильной. Именно РАПП — основной, ведущей организации совет-

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 1. 39 лл.

² Боевой отряд на фронте литературы // Литературная газета. 1930. № 033 (70) (5 авг.). С. 1.

³ Там же.

⁴ Там же.

⁵ Протокол заседания см.: ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 91. Л. 6.

Проект устава см.: ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. 13 лл.

⁶ Чумандрин М. Вторая мировая конференция революционной литературы и военная опасность // Залп. 1931. № 1. С. 48.

ской литературы, — должно принадлежать ближайшее руководство работой ЛОКАФ»¹. Общая установка на «новый стиль пролетарской литературы», вовлечение в писательство широких народных масс и «вытеснение» профессионализма и кастовости будет прослеживаться во всей недолгой самостоятельной деятельности ЛОКАФа, в тактических решениях редколлегий локафовских журналов. Они стали площадкой для непрофессионалов из народа, которые «уже умеют полным голосом, достаточно громко и уверенно, говорить о своей борьбе, о своих победах и поражениях».

В организационном отношении ЛОКАФ также следовал опыту РАПП, создав немедленно 17 местных отделений: Московское, Ленинградско-Балтийское, Украинское, Белорусское, Смоленское отделение белорусской организации, Северо-Кавказское, Приволжское, Татарское, Закавказское, Среднеазиатское, Дальневосточное, Черноморское, Восточно-Сибирское, Западно-Сибирское, Омское отделение Западно-Сибирской организации, Молдавское, Узбекское.

Подобно другим организациям эпохи реконструкции, ЛОКАФ брал на себя создание специальных курсов, организацию семинаров и диспутов; чтение лекций и докладов для повышения литературной подготовки; планировал специальные вечера, радиопередачи; намеревался посылать бригады писателей и поэтов из своих рядов — все это с соответствующим армейским уклоном. Так локафовцы должны были создавать свои произведения в красноармейских частях, на судах, в лагерях, на маневрах. Писатели ЛОКАФ не должны были обходить и общих для реконструктивного периода тем и предметов — ударничества, колхозного строительства, организации совхозов. Лозунги ЛОКАФа были обращены не только к армейским писателям, объединение мобилизовало и ударников производства: «Первое правило — главный урок: Каждый ударник хороший стрелок».

В планах ЛОКАФа была публикация произведений своих членов в сборниках, альманахах, книгах других издательств, а также организация собственного журнала. Печатными органами ЛОКАФа стали ежемесячные журналы, «ЛОКАФ» — в Москве и «Залп» в Ленинграде. Оба начали издаваться с января 1931 г. Редколлегия «Залпа» позиционировала журнал как литературно-художественный и критический ежемесячник Ленинградско-Балтийского Литературного объединения Красной армии и флота. В 1931 г. его ответственным редактором был Н. Свири́н, с 1932 г. его сменил А. Дмитриев. Журнал издавался с 1931 по 1934 гг. включительно. С декабря 1932 г. (№ 11/12) он перешел в ведомство Ленинградского союза советских писателей. Московский журнал «ЛОКАФ» в 1931–1932 гг. выходил как печатный орган объединения в изд-ве «Федерация» под редакцией Л. Дегтярева, М. Залка, А. Исбаха, В. Луговского, С. Рейзина, С. Мстиславского, П. Слесаренко, Ст. Щипачева. С 1933 г. журнал переименовывается в «Знамя» и переходит в ведомство Союза советских писателей, сохранив состав редколлегии и авторов.

Что касается финансовой стороны, то по уставу средства объединения составлялись из: «а) субсидий правительственных учреждений и общественных организаций, б) доходов от изданий и других доходов»².

Институциональный статус ЛОКАФа делал членство в нем привлекательным. Напомним, что в 1930 г. участие в работе писательских бригад финансировалось посланной организацией по 300 руб. суточных и 150 руб. — квартирных на месяц. Не менее существенной, наряду с финансовой, была перспектива публикации трудов и реализации творческого потенциала писателя. Так, например, очерки членов краеведческой секции ВССП охотно публиковала центральная пресса «Известия», «Литературная газета», «Правда» [Московская 2012: 821]. Издавались коллективные сборники, выходили отдельные авторские издания, такие, как, например, очерк «Балахна: Очерк ударничества на Балахнинской бумажной фабрике» (1931), созданный писательской бригадой с участием К. Большакова, С. Буданцева, Л. Гумилевского, Ю. Слезкина. Из писательских коллективных поездок в августе–сентябре 1931 г. по совхозам в Средневолжский край Андрей Платонов, «занимающий должность члена общества писателей-краеведов»³, привез в 1931 г. повесть «Степное дело». Подобно ВССП, локафовцы также создавали коллективные сборники, например, «Перекоп» (1931); «Ударник-локафовец» (1932); «Литературная вахта» (1932).

ЛОКАФ, заявивший о себе как об институции, способной обеспечить писателей социально значимым заказом, подтвердил свою решимость на деле. Это отчасти объясняет намерение того же Платонова стать членом вновь созданного объединения. 18 апреля 1931 г. датируется его письмо в секретариат ЛОКАФ, в котором он объявил о желании «быть мобилизованным для литературной работы на Красную Армию». Платонов предлагал тему «технические и механизированные части Красной Армии <...> в прошлом и в настоящем», акцентируя ее идеологическое содержание. Даже «самое мощное “техническое” вооружение Красной Армии состоит не в механизмах, а в классовой идее, владеющей вооруженным пролетариатом; эта классовая идея, воодушевленная интернациональным сознанием, помноженная на технику в прямом смысле, делает из Красной Армии силу, исторически беспримерную и абсолютно непобедимую. Это помножение духа на технику, взятое в процессе роста, и составляет тему». Для осуществления задуманного он просил месяц «с выездом на интересующие меня места, на посещение частей Красной Арм<ии>, архивов и библиотек» [Московская 2017: 422].

Привлекательной стороной ЛОКАФа было также добровольное членство и право одновременно состоять в других «советских и международных революционных литературных организациях». «Членами ЛОКАФа могут быть военные и гражданские литературные работники, (поэты, писатели, драматурги, критики, журналисты и проч.), ведущие ак-

¹ Сви́рин Н. Война и литература // На литературном посту. 1930. № 20. С. 20.

² ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 5.

³ РГАЛИ. Ф. 2124. Оп. 1. Ед. хр. 16. Л. 6.

тивную литературную работу и помощь обороне страны и боеспособности Красной армии на основе пролетарской классовой линии и подчиняющиеся настоящему уставу — достигшие 18-ти летнего возраста, не лишённые прав по конституции и непорочные по суду»¹. Поступление в члены осуществлялось на основе личного заявления в местный отдел ЛОКАФа (а при отсутствии такового — в Президиум центрального Совета).

Анализ институциональных оснований ЛОКАФа показывает, что он был первым литературным объединением, которое поставило перед собой предельно конкретную, политически выверенную, идеологически весомую, практически выполнимую задачу собирания писательских сил вокруг оборонно-патриотической темы. Политическую актуальность и организационную успешность объединения подтвердил Л. Авербах на декабрьском Пленуме РАПП в 1931 г., призвав к созданию «ряда добровольных организаций по типу ЛОКАФ для усиления участия писателей в социалистическом строительстве под углом зрения дальнейшей ломки старого типа писателя»². Своеобразное место ЛОКАФа среди других профессиональных писательских объединений и организаций определяется его программной установкой на выдвижение непрофессионального писателя — создателя массовой литературы.

ЛОКАФ естественно вписался в ряд многочисленных проектов эпохи реконструкции, собранных и пунктирно намеченных в публикациях горьковского журнала «Наши достижения». Это издательские проекты «История Гражданской войны», «История фабрик и заводов», «Люди пятилетки» и многие другие. В отличие от них, ЛОКАФ предстал инициативой «снизу», заявил о себе как долговременный коллективный проект государственного масштаба и значения, достойный устойчивой финансовой и организационной поддержки. Как показало время, уже прекратив свое существование как самостоятельное объединение, ЛОКАФ дал импульс для целого направления литературно-художественного, печатно-издательского, кино-сценарного производства, востребованного во все годы существования советского государства.

Система функционирования ЛОКАФа во многом предвосхитила созданный в начале второй пятилетки — пятилетки «искусств», Союз советских писателей. Во-первых, ЛОКАФ был открыт для писателей разных возрастов, статусов, творческих принципов, социальных слоев. Во-вторых, его деятельность распространилась на весь СССР (при нахождении Центрального совета в Москве): «ЛОКАФ строится по принципу: местный отдел — центр»³. Напомним, что ЛОКАФу удалось стать всесоюзной организацией. Стройной была и организационная структура объединения — «Высшим органом ЛОКАФа является всесоюзный съезд его членов»⁴, который избирает Центральный совет, созывающий обязательные Пленумы. За недолгое время

существования ЛОКАФа было проведено три расширенных пленума Центрального совета — 6–8 апреля 1931 г., 11–15 февраля 1931 г., 27–28 октября 1932 г., на которых обсуждались основные организационные и творческие вопросы объединения.

Идеологическая актуальность ЛОКАФа была признана при создании ССП: на базе объединения была организована «комиссия оборонной литературы», которую возглавил видный деятель ЛОКАФа Д. Либерман.

21 июня 1932 г. прошло совещание, собранное оргкомитетом, на котором обсуждался вопрос о том, какое место должен занять ЛОКАФ в будущем ССП. «Писатели отметили, что в будущем союзе писателей ЛОКАФ должен быть сохранен либо как автономная организация, которая должна руководить работой литкружков в частях РККА (М. Субоцкий, С. Вашенцев), либо как организационная ячейка или сектор (Р. Азарх, В. Ставский, В. Гусев, И. Лимановский, А. Исбах, Д. Либерман)»⁵.

В октябре 1932 г. 3-й итоговый пленум ЛОКАФа в соответствии с Постановлением «О перестройке литературно-художественных организаций...» от 23 апреля 1932 г. «постановил распустить все локафовские организации и просить Оргкомитет Союза Советских писателей СССР организовать в структуре Оргкомитета Военную комиссию с передачей ей функций ЛОКАФа и с учреждением в местных отделениях Оргкомитета аналогичных военных комиссий»⁶.

Комиссии были организованы, и ЛОКАФ, под другим названием, но сохранив и своих членов, и печатные органы, и местные организации, продолжил функционировать уже в составе ССП.

И хотя, как уже было отмечено, в период недолгого институционального существования ЛОКАФа его членами не было создано чего-либо художественно значимого, свою миссию объединение выполнило, выдвинув как определяющую качество литературного произведения идею патриотизма, готовность защищать Родину, умело спущенную к массовому читателю. Особую роль в формировании и методологической разработке этих установок, отбор художественных средств, вычленение образцовых и недостойных произведений военно-оборонительной тематики в текущем литературном производстве, в русской и зарубежной классике взяла на себя локафовская критика, разнообразие предметов и тем которой требует отдельного освещения. Ее достижением стало то, что военно-патриотическая тематика стала «модной», вошла в круг творческих замыслов гражданских писателей 1930-х гг., стала желанной составляющей программы работы издательств. В тематическом плане издательства «Молодая гвардия» была открыта серия «Молодежь в Красной армии и во флоте», которую предлагалось заполнить произведениями писателей-локафовцев⁷. В Ленинградском отделении ГИХЛа была сформирована серия «Литература и война», в рамках которой был издан стихи Н. Брауна,

¹ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 3.

² См.: ОР ИМЛИ РАН. Ф. 40 («РАПП»).

³ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 4.

⁴ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 135. Л. 5.

⁵ Опыт ЛОКАФ будет использован // Литературная газета. 1932. № 029(198) (29 июня). С. 1.

⁶ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 90. Л. 40.

⁷ ОР ИМЛИ. Ф. 53. Оп. 1. Ед. хр. 103.

А. Прокофьева, «Последний решительный» В. Вишневского, С. Вашенцова «Пленный» и др.

Начавшаяся Великая Отечественная война раскрыла потенциал ЛОКАФа, нашедший воплощение в журнальных и газетных публикациях военных и послевоенных лет, авторами которых были непосредственные участники военных действий, непрофессионалы. Многие видные деятели ЛОКАФа также оказались на фронтах Великой Отечественной войны, в том числе в качестве корреспондентов, продолжая издавать произведения оборонной тематики, в которых развивались заложенные программой ЛОКАФ темы и образы, которые А. Платонов в статье «Несоленое счастье», посвященной творчеству С. Вашенцева, назвал «священными для советского патриота». Вс. Вишневский в годы Великой Отечественной войны был корреспондентом газеты «Правда», участвовал в обороне Ленинграда. В годы войны возглавлял оперативную группу писателей при политуправлении Балтфлота и написал «героическую комедию» «Раскинулось море широко...» (1942 г., совместно с А. А. Кроном и Вс. Б. Азаровым). С. Щипачев, также участник Великой Отечественной войны, опубликовал в военные годы сборник стихов «Фронтные стихи» (1942). Л. Соболев в годы Великой Отечественной войны работал корреспондентом газеты «Правда», Совинформбюро и Главного Политического управления Военно-Морского Флота, стал автором сборника фронтовых очерков и рассказов «Морская душа» (1942). А. Сурков был военным корреспондентом фронтовой газеты «Красноармейская правда» и спецкором газеты «Красная звезда». Участвовал в обороне Москвы, написал «Песню смелых» (музыка В. А. Белого, 1941), «В землянке» («Бьётся в тесной печурке огонь...», музыка К. Я. Листова, 1941), «Песня защитников Москвы» (музыка Б. А. Мокроусова, 1942), «Ни шагу назад» (музыка Т. А. Кулиева, 1942). Андрей Платонов, так и не ставший официальным членом ЛОКАФ, служил военным корреспондентом «Красной звезды» и опубликовал в годы войны целый ряд гениальных рассказов, подлинных шедевров военной прозы, вошедших в сборники «Одухотворенные люди» (1942), «Под небесами Родины» (1942), «Бессмертный подвиг моряков: Фильченко, Красносельский, Цибулько, Одинцов, Паршин» (1943), «Броня» (1943), «Рассказы о Родине» (1943).

Таким образом, заложенная ЛОКАФом военно-оборонная идеология, предложенные темы и формы их реализации во многом нашли свое воплощение уже после роспуска самого объединения, повлияв на облик русской советской литературы следующих десятилетий.

ЛИТЕРАТУРА

Алексеев Г. В. Балахна: Очерк ударничества на Балахнинской бумажной фабрике / бригада ВССП Глеб Алексеев, Конст. Большаков, Сергей Буданцев, Лев Гумилевский, Юрий Слезкин. — М.: Изд-во и типо-лит. акц. изд. о-ва «Огонек», 1931. — 47 с. — (Библиотека «Огонек»; № 601).

Бобринская Е. «Коллективные действия» как инсти-туция // Художественный журнал. — 1999. — № 23. — Режим доступа: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx23/x2304.htm> (дата обращения: 17.05.2017).

Глинкин П. Е. Русская проза о ВОВ: автореф. дис. ... д-ра филол. н. — М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1971. — 32 с.

Добренко Е. Оборонная литература и соцреализм: ЛОКАФ // Соцреалистический канон: сб. ст. под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — С. 225–241.

Добренко Е. Сталинская культура: двадцать лет спустя // НЛЮ. — 2009. — № 95. — Режим доступа: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/do.html> (дата обращения: 20.03.2017).

Из истории литературных объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2 / отв. ред. В. П. Муромский; Институт русской литературы (Пушкинский дом). — СПб.: Наука, 2006. — 243 с.

Институты культуры Ленинграда на переломе от 1920-х к 1930-м годам: Материалы проекта. — Режим доступа: <http://www.pushkinskijdom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (дата обращения: 24.03.2017).

Искусство как язык — языки искусства. Государственная академия художественных наук и эстетическая теория 1920-х годов. Исследования / под ред. Н. С. Плотникова и Н. П. Подземской при участии Ю. Н. Якименко. — М.: Новое литературное обозрение, 2017. — Т. 1, Т. 2. — 456 с. + 928 с.

История русской литературной критики: советская и постсоветская эпохи / под ред. Е. Добренко, Г. Тиханова. — М.: Новое литературное обозрение, 2001. — 792 с.

Колесник П. И. «ЛОКАФ» и развитие советской военно-патриотической прозы 30-х годов: автореф. дис. ... канд. филол. наук. — М.: МОПИ им. Н. К. Крупской, 1978. — 19 с.

Колесник П. И. Из истории литературного объединения Красной армии и флота // Традиции и новаторство в советской литературе. Сб. трудов МОПИ им. Н. К. Крупской. — М., 1976. — С. 39–51.

Конец институций культуры двадцатых годов в Ленинграде. По архивным материалам: сб. статей / сост. М. Э. Маликова. — М.: Новое литературное обозрение, 2014. — 492 с.

Кукушкина Т. А. Всероссийский союз писателей (Петроградское отделение): дис. ... канд. филол. наук. — СПб.: ИРЛИ РАН, 2008. — 201 с.

Литературная вахта: Альманах Центр. краснофлотск. группы ЛОКАФ. — Л.; М.: ГИХЛ — Лен. Балт. Локаф, 1932. — 112 с. — (Литература и война).

Московская Д. С. Из истории литературной политики XX века. «Литературное наследство» как академическая школа // Вопросы литературы. — 2018. — № 1. — С. 296–333.

Московская Д. С. К истории производственного очерка (1929–1932 гг.) По документам ОР ИМЛИ РАН // Текстологический временник. Русская литература XX века: Вопросы текстологии и источниковедения. — М.: ИМЛИ РАН, 2012. — Вып. 2. — С. 814–827.

Московская Д. С. К хронике работы над пьесой «Высокое напряжение» // «Страна философов» Андрея Платонова: Проблемы творчества. — М.: ИМЛИ РАН, 2017. — Вып. 8. Андрей Платонов и его современники. Исследования и материалы. — С. 416–427.

Перекоп: Литературно-художественный сборник ЛОКАФ / под ред. Л. Дегтярева. — М.; Л.: Гос. изд-во худож. лит., 1931. — 179 с.

Плотников К. И. История литературной организации Всеросскомдрам (по материалам отдела рукописей ИМЛИ РАН): дис. ... канд. филол. наук. — М.: ИМЛИ РАН, 2015. — 258 с.

Соцреалистический канон: сб. ст. / под общ. ред. Х. Гюнтера и Е. Добренко. — СПб.: Академический проект, 2000. — 1040 с.

Ударник-локафовец: Литературно-художественный сборник о Красной армии Саратовского отд. Литературного объединения писателей Красной армии и флота / под ред. К. Блинова, В. Волкова. — Саратов: Нижневолжское краевое изд-во, 1932. — 102 с.

Шошин В. А. Ленинградское Балтийское отделение литературного объединения Красной армии и флота (1930–1934) // Из истории литературный объединений Петрограда–Ленинграда 1920–1930-х годов: Исследования и материалы. Кн. 2 / отв. ред. В. П. Муромский; Институт русской литературы (Пушкинский дом). — СПб.: Наука, 2006. — С. 160–189.

REFERENCES

Alekseev G. V. Balakhna: Ocherk udarnichestva na Balakhninskoy bumazhnoy fabrike / brigada VSSP Gleb Alekseev, Konst. Bol'shakov, Sergey Budantsev, Lev Gumilevskiy, Yuriy Slezkin. — M.: Izd-vo i tipo-lit. akts. izd. o-va «Ogonek», 1931. — 47 s. — (Biblioteka «Ogonek»; № 601).

Bobrinskaya E. «Kollektivnye deystviya» kak institutsiya // Khudozhestvennyy zhurnal. — 1999. — № 23. — Rezhim dostupa: <http://www.guelman.ru/xz/362/xx23/x2304.htm> (data obrashcheniya: 17.05.2017).

Glinkin P. E. Russkaya proza o VOV: avtoref. dis. ... d-ra filol. n. — M.: MOPI im. N. K. Krupskoy, 1971. — 32 s.

Dobrenko E. Oboronnaya literatura i sotsrealizm: LOKAF // Sotsrealisticheskiy kanon: sb. st. pod obshch. red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. — SPb.: Akademicheskii projekt, 2000. — S. 225–241.

Dobrenko E. Stalinskaya kul'tura: dvadtsat' let spustya // NLO. — 2009. — № 95. — Rezhim dostupa: <http://magazines.russ.ru/nlo/2009/95/do.html> (data obrashcheniya: 20.03.2017).

Iz istorii literaturnykh ob"edineniy Petrograda–Leningrada 1920–1930-kh godov: Issledovaniya i materialy. Kn. 2 / отв. ред. V. P. Muromskiy; Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom). — SPb.: Nauka, 2006. — 243 s.

Instituty kul'tury Leningrada na perelome ot 1920-kh k 1930-m godam: Materialy projekta. — Rezhim dostupa: <http://www.pushkinskiydom.ru/Default.aspx?tabid=10460> (data obrashcheniya: 24.03.2017).

Iskusstvo kak yazyk — yazyki iskusstva. Gosudarstvennaya akademiya khudozhestvennykh nauk i esteticheskaya teoriya 1920-kh godov. Issledovaniya / pod red. N. S. Plotnikova i N. P. Podzemskoy pri uchastii Yu. N. Yakimenko. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2017. — T. 1, T. 2. — 456 s. + 928 s.

Istoriya russkoy literaturnoy kritiki: sovetskaya i postsovetskaya epokhi / pod red. E. Dobrenko, G. Tikhanova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2001. — 792 s.

Kolesnik P. I. «LOKAF» i razvitie sovetskoy voenno-patrioticheskoy prozy 30-kh godov: avtoref. dis. ... kand. filol. nauk. — M.: MOPI im. N. K. Krupskoy, 1978. — 19 s.

Kolesnik P. I. Iz istorii literaturnogo ob"edineniya Krasnoy armii i flota // Traditsii i novatorstvo v sovetskoy literature. Sb. trudov MOPI im. N. K. Krupskoy. — M., 1976. — S. 39–51.

Konets institutsiy kul'tury dvadtsatykh godov v Leningrade. Po arkhivnym materialam: sb. statey / sost. M. E. Malikova. — M.: Novoe literaturnoe obozrenie, 2014. — 492 s.

Kukushkina T. A. Vserossiyskiy soyuz pisateley (Petrogradskoe otdelenie): dis. ... kand. filol. nauk. — SPb.: IRLI RAN, 2008. — 201 s.

Literaturnaya vakhta: Al'manakh Tsentr. krasnoflotsk. gruppy LOKAF. — L.; M.: GIKhL — Len. Balt. Lokaf, 1932. — 112 s. — (Literatura i voyna).

Moskovskaya D. S. Iz istorii literaturnoy politiki XX veka. «Literaturnoe nasledstvo» kak akademicheskaya shkola // Voprosy literatury. — 2018. — № 1. — S. 296–333.

Moskovskaya D. S. K istorii proizvodstvennogo ocherka (1929–1932 gg.) Po dokumentam OR IMLI RAN // Tekstologicheskii vremennik. Russkaya literatura XX veka: Voprosy tekstologii i istochnikovedeniya. — M.: IMLI RAN, 2012. — Vyp. 2. — S. 814–827.

Moskovskaya D. S. K khronike raboty nad p'esoy «Vysokoe napryazhenie» // «Strana filosofov» Andrey Platonova: Problemy tvorchestva. — M.: IMLI RAN, 2017. — Vyp. 8. Andrey Platonov i ego sovremenniki. Issledovaniya i materialy. — S. 416–427.

Perekop: Literaturno-khudozhestvennyy sbornik LOKAF / pod red. L. Degtyareva. — M.; L.: Gos. izd-vo khudozh. lit., 1931. — 179 s.

Plotnikov K. I. Istoriya literaturnoy organizatsii Vserosskomdram (po materialam otdela rukopisey IMLI RAN): dis. ... kand. filol. nauk. — M.: IMLI RAN, 2015. — 258 s.

Sotsrealisticheskiy kanon: sb. st. / pod obshch. red. Kh. Gyuntera i E. Dobrenko. — SPb.: Akademicheskii projekt, 2000. — 1040 s.

Udarnik-lokafovets: Literaturno-khudozhestvennyy sbornik o Krasnoy armii Saratovskogo otd. Literaturnogo ob"edineniya pisateley Krasnoy armii i flota / pod red. K. Blinova, V. Volkova. — Saratov: Nizhnevolzhskoe kraevoe izd-vo, 1932. — 102 s.

Shoshin V. A. Ленинградское Балтийское отделение литературного об"edineniya Krasnoy armii i flota (1930–1934) // Iz istorii literaturnykh ob"edineniy Petrograda–Leningrada 1920–1930-kh godov: Issledovaniya i materialy. Kn. 2 / отв. ред. V. P. Muromskiy; Institut russkoy literatury (Pushkinskiy dom). — SPb.: Nauka, 2006. — S. 160–189.

Данные об авторах

Зоя Сергеевна Закружная — аспирант, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (Москва).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: z.zakruzhnaya@mail.ru.

Дарья Сергеевна Московская — доктор филологических наук, главный научный сотрудник, заместитель директора по научной работе, заведующий отделом рукописей, Институт мировой литературы им. А. М. Горького, Российская академия наук (Москва).

Адрес: 121069, Россия, г. Москва, ул. Поварская, 25а.

E-mail: d.moskovskaya@bk.ru.

About the authors

Zoya Sergeevna Zakruzhnaya — Post-graduate Student, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow).

Darya Sergeevna Moskovskaya — Doctor of Philology, Chief Researcher, Deputy Director for Scientific Work, Head of the Manuscript Department, A. M. Gorky Institute of World Literature, Russian Academy of Sciences (Moscow).